

Рефлексы корней индоевропейского языка-основы и их концептуализация в различных лингвокультурах/ Т. О. Козлова// *Studia Linguistica*. Зб. наук. пр. – Київ: Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка, 2009. – Вип. 3. – С. 108 – 113. *Козлова Т. О.* Генетична дефініція та засоби її визначення/ Т. О. Козлова// *Нова філологія*. Зб. наук. пр. – Запоріжжя: ЗНУ, 2010 (а). – № 41. – С. 45 – 55. *Козлова Т. О.* Дериваційна активність і.е. **sol-* в латинській мові/ Т. О. Козлова// *Studia Linguistica*. Зб. наук. пр. – Київ: Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка, 2010 (б). – Вип. 4. – С. 247 – 255. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов/ Джордж Лакофф// *Новое в зарубежной лингвистике*. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 12 – 51. *Левицкий В. В.* Семасиология/ Виктор Васильевич Левицкий. – Винница: Нова книга, 2006. – 512с. *Левицкий В. В.* Этимологический словарь германских языков; Т. I – II/ Виктор Васильевич Левицкий. – Винница: Нова книга, 2010. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с. *Маковский М. М.* Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов/ М. М. Маковский// *Вопросы языкознания*. – 1997. – № 1. – С. 73 – 95. *Маковский М. М.* Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике: Учебное пособие. – Изд. 2-е, стер. – М.: КомКнига, 2005. – 200 с. *Маковский М. М.* Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках/ Марк Михайлович Маковский. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с. *Маковский М. М.* Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. – М.: КомКнига, 2008 (а). – 275 с. *Маковский М. М.* Следы язычества в индоевропейских языках/ Марк Михайлович Маковский// *Проблемы загалного, германського та слов'янського мовознавства. До 70-річчя проф. В. В. Левицького*: Зб. наук. пр. – Чернівці: Книги- XXI, 2008 (б). – С. 27 – 43. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков/ Антуан Мейе; [пер. с фр./ под ред. Р. Шор-по 7-му изд. перер. и доп.]. – М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1938. – 510 с. *Очерки по сравнительной семасиологии германских, балтийских и славянских языков*/ А. П. Непокупный, Н. Н. Быховец, В. А. Пономаренко и др. – К.: Изд-во “Довіра”, 2005. – 367 с. – библиогр.: с. 331 – 354. *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей*: лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков/ А. С. Мельничук, Л. А. Гиндин, И. А. Калужская. – М.: Наука, 1991. – 120 с. *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии: слово, история, культура/ Олег Николаевич Трубачев. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 798 с. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т./ М. Фасмер; [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева]. – [4-е изд., стер.]. – М.: Астрель: АСТ, 2007. *Хориков И. П.* Новогреческо-русский словарь (ок. 67000 слов)/ И. П. Хориков, М. Г. Малев. – [под ред. П. Пердикиса, Т. Пападопулоса]. – М.: Изд-во “Русский язык”, 1980. – 856 с. *Шведско-русский словарь* (63500 слов)/ [сост. Д. Э. Миланова]. – М.: Изд-во “Советская энциклопедия”, 1973. – 760 с. *(AHID) American Heritage Illustrated Dictionary*. – [3d ed.]. – Boston, NY: Houghton Mifflin Co, 1993. – 1630 p. *Aitchison J.* The Seeds of Speech/ Jean Aitchison – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 280 p. *Bomhard A. R.* The Nostratic Macrofamily. A Study in Distant Linguistic Relationship/ Allan R. Bomhard, John C. Kerns. – Berlin, N. Y.: Mouton de Gruyter, 1994. – Trends in Linguistics: Studies and Monographs; 74. – 932 p. *Carstairs-McCarthy A.* The evolutionary origin of morphology/ Andrew Carstairs-McCarthy// *Language Origins. Perspectives on Evolution* (Studies on the Evolution of Language). - [ed. by Maggie Tallerman]. – Oxford: Oxford University Press, 2005 - P. 166 – 184. *Davidson I.* Human Evolution, Language and Mind: A Psychological and Archeological Inquiry/ Iain Davidson, William Noble. - Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 272 p. *Deacon T. W.* The Symbolic Species: the Co-evolution of Language and the Brain/ Terrence William Deacon. - Harmondsworth: Penguin, 1997. – 527 p. *Dixon R. M. W.* The Rise and Fall of Languages/ Robert M. W. Dixon. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 169 p. *Dolgopolskii A.* The Nostratic Macrofamily and Linguistic Paleontology/ Aharon Dolgopolskii, Colin Renfrew. - McDonald Institute for Archeological Research, 1998. - 116 p. *Dunbar R.* Grooming, Gossip and Evolution of Language/ Robin Dunbar. – Harvard: Harvard University Press, 1998. – 230 p. *Fox A.* Linguistic Reconstruction: An Introduction to Theory and Method/ Antony Fox. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 372 p. *Gell-Mann M.* Distant Language Relationship: the Current Perspective/ Murray Gell-Mann, Ilia Peiros, George Starostin// *Journal of Language relationship*. – 2009. - # 1. – P. 13 – 30. *Greenberg J. H.* Indo-European and Its Closest Relatives. The Eurasiatic Language Family/ Joseph H. Greenberg. – Vol. 1. Grammar; Vol. 2. Lexicon.- Stanford, California: Stanford University Press, 2000, 2002. *Linguistic change and reconstruction methodology*. – [ed. by Philip Baldi]. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990. - Trends in linguistics: Studies and Monographs; 45. – 752 p. *MacLauray R. E.* Vantage Theory/ Robert S. MacLauray// *Language and the Cognitive Construal of the World*. – [John R. Taylor, Robert S. MacLauray eds.]. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1995. - Trends in linguistics: Studies and Monographs; 82. – 231 - 276 p. *Pokorny J.* Indogermanische Etymologisches Wörterbuch; B. 1 – 3. – Bern: A. Francke AG Verlag, 1959. *(OED) The Oxford English Dictionary*. – 2nd ed. – on CD-ROM, version 3.1. – OUP, 2004. *Ruhlen M.* On the Origin of Languages: studies in linguistic taxonomy/ Merritt Ruhlen. – Stanford, California: Stanford University Press, 1994. – 342 p. *The Evolution of Culture: An Interdisciplinary research*. - [ed. by Robin Dunbar, Chris Knight, Camilla Power]. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.– 257p. *Watkins C.* How to Kill a Dragon: aspects of Indo-European poetics/ Calvert Watkins. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 613 p.

КОЛЕСНИКОВА Е.Я.

(Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова)

ПРЕД- И ПОСТКОНТЕКСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

На материале современной британской прозы проанализированы изменения семантического объема титульных лексем, трансформация которых осуществляется по принципу “песочных часов”, способствует формированию особого внутритекстового ЛСП, участвующего, в свою очередь, в вербализации художественного концепта произведения.

Ключевые слова: контекст, титульная лексема, семантическая трансформация.

Колеснікова О.Я. Перед- та постконтекстні значення лексичних одиниць у художньому тексті. На матеріалі сучасної британської прози проаналізовано зміни та прирощення семантики титульних лексем, які трансформуються за принципом “пісочного годинника”, набувають особливого внутрішнього текстового ЛСП та формують художній концепт твору.

Ключові слова: контекст, титульна лексема, семантична трансформация.

Kolesnikova E. Y. Presupposition and entailment of title lexemes in fiction. The article proceeds from the analysis of semantic transformations of title words in various contexts of the same text and allows to insist on the resulting formation of a unique textual semantic field of title lexemes, verbalizing the major message/concept of a fiction text.

Автор “Системной функциональной лингвистики” М. А. К. Хэллидей настаивал на приоритетной роли контекста в различении смысла слова, утверждая, что последний не только не определим вне контекста, но и конструируется контекстом (*construed by the context*) [Halliday 1981]. Несколько позже Дж. Юл ввел понятие пред- и постконтекстной инференции: первая определяется им как пресуппозиция. Она зависит от тезауруса пользователя (*is prior to making an utterance. Speakers, not utterances have presuppositions* [Yule 1996, с. 25]). Вторая, названная им результирующей (*entailment*) устанавливается в процессе употребления – *Sentences, not speakers, have entailments* [Ibid].

Определяющая роль контекста во всех видах вербальной коммуникации отражена в стабильном интересе представителей всех гуманитарных наук к проблемам взаимовлияния отдельной лексической единицы и ее словесного окружения. Практически не вызывает возражений необходимость рассмотрения разных параметров контекста. Так, его *объем* (указательный минимум), необходимый для реализации значения используемого слова/словосочетания обычно рассматривают как “узкий, определяющий эстетическую нагрузку элемента текста (фраза, эпизод, ситуация) и широкий (целое произведение, все творчество автора)” [Літературознавчий словник-довідник 1997, с. 381]; или как “*микрконтекст* – минимальное окружение единицы, в котором она <...> реализует свое значение <...> и *макрконтекст* <...>, позволяющий установить ее функцию в тексте как целом” [Торсуева 2002, с. 238].

В *функциях* узкого контекста, помимо основной – разрешающей, (снимающей полисемию), выделяют поддерживающую (обеспечивающую повторяемость обозначенного значения), интенсифицирующую (способствующую приращению смыслов), компенсирующую (действующую в условиях невыраженности какого-либо элемента высказывания – напр. в условиях эллипсиса), погашающую (создающую новое значение лексемы, отсутствующее в словаре), объединяющую (действующую при одновременной реализации двух значений [Хованская 1983]. Для широкого контекста выделяют типы: психологический (знание об авторе текста), социокультурный (интертекстуальные связи текста), вертикальный (историко-филологический фон текста), внешний (хронотоп и прочие условия создания текста), коммуникативный (контекст взаимодействия автор-читатель), расширивший в настоящее время сферу своих параметров, в которые включаются когнитивные, этнопсихологические, этно-социокультурные и пр. условия осуществления коммуникативной деятельности в эпоху глобализации [Селіванова 2006, 252].

Можно констатировать, таким образом, что типология, функции, количественные параметры контекста детально и разносторонне освещены в специальной литературе. Тем не менее, остается ряд вопросов взаимоотношений изолированной лексической единицы и ее последующих контекстов, которые ранее не рассматривались. Мы имеем в виду семантические трансформации титульных лексем, происходящие в последних под влиянием множественных полисубъектных (т.е. авторских и персонажных) употреблений в разворачивающемся тексте.

Предлагаемая работа, в связи со сказанным, представляется **новой, актуальной и теоретически значимой**.

Как известно [Кухаренко 2002], титульное слово/словосочетание, многократно употребленное в разных контекстах озаглавливаемого произведения, подвергается семантическим трансформациям, в результате которых становится выразителем авторского мессиджа – концепта художественного текста. Если эти изменения представить графически, полученная фигура будет напоминать песочные часы: из широкой части верхнего сосуда (т.е. определенного множества словарных значений лексической единицы) во второй сосуд (текст) через соединяющую их горловину проходит одно – первое реализуемое (контекстуальное) значение. Иными словами, семантический объем заглавной лексемы в своем первом употреблении сужается до одного (реже – двух) ЛСВ. Однако, последующие употребления вновь наращивают их количество. Более того, появляются варианты, не предусмотренные словарным потенциалом: лексема приобретает полисемичность, лишь частично совпадающую с той, которая задана словарем. Можно говорить и о собственном (текстовом) семантическом поле титульных единиц. (Ср.: “Художественные концепты, связанные с элементами образного строя произведения, выявляются на основе соответствующих им ассоциативно-смысловых полей ключевых слов <...>, являющихся узловыми звеньями лексической структуры текста” [Болотова 2006, с. 311]).

В качестве примера приведем три заголовка отмеченных Букером произведений : *The Butcher Boy* [McCabe 1992], *Last Orders* [Swift 1996], *The Elected Member* [Rubens 1999]. Не зарегистрированные как фразеологизмы и сохранившие автономность своих компонентов, все они могут рассматриваться как узуальные словосочетания, построенные по одной модели, в своей предконтекстной (предтекстовой, титульной) позиции имеющие определенный интерпретационный выбор: 1) Помощник/-

посыльный/ученик мясника, а также палач [Oxford 2007, с. 669]; 2) Последние/окончательные/предсмертные распоряжения/наставления/приказы [ibid, с.910]; 3) Кем-то (?) куда-то (?) избранный [ibid, с. 767].

Начнем с наиболее неопределенного – последнего, *The Elected Member*. Предконтекстное значение *elected* – *избранный* включает весьма высокую положительную оценку. (Ср. библейское: “Много званых, но мало избранных”). До его первого появления в тексте (на 63-ей стр. из 224-х) автор разворачивает логическую цепочку, поддерживающую предконтекстную пресупозицию: уже имеющие дочь родители ждут мальчика → желанный ребенок → особое внимание → хороший ученик → выдающийся ученик → вундеркинд → гений. Семья, соседи, знакомые “назначили” его избранным. Почти в конце повествования он размышляет: *He wondered whether he had always been special in the family and whether he had so placed himself, or whether his parents and his sisters had so elected him* [Rubens 1999, p. 180].

Необходимость быть исключительным сломала героя, искалечила его психику, предположительно разрешив ему стать над сестрами и друзьями и распоряжаться их судьбой, что привело к драме в жизни каждого. Именно этот – отрицательный, обратный ожидаемому – эффект обеспечивает первый контекст титула: *It was they, the family, who had elected him for their scapegoat, each in their way, her father, her mother, her sister and herself* [Ibid, p. 63], т.е. его избранность парадоксально привела к остракизму.

Дальнейшее развитие текста повторами закрепляет *elected scapegoat* и полностью убирает положительную инференцию лексемы *elected*. Более того, используя синонимическую пару *elected-chosen* автор переходит на обобщения об избранных Богом – *the chosen people*: *‘Dear God’, he shouted, ‘Why did You choose us? Are we Your family, and did you choose us as Your scapegoat? Did You elect us to carry Your wrath, Your jealousy, Your expectation, Your omnipotence, Your mercy and pity?...* [Ibid, p.223]. “Назначенность” быть избранным, быть особым, ломает человека, ибо он не может осуществить все надежды, которые возлагают на него “избравшие его”: *they finally broke my back* [Ibid]. И финальная горькая фраза текста: *‘Dear God, Look after us, cold and chosen ones’* [Ibid, p. 224], в одной характеристике объединившая две крайности – *cold and chosen*, завершает формирование концепта текста, начатое заголовком: любое насилие (даже из “лучших побуждений”) имеет непредсказуемые отрицательные последствия.

Действие романа *Last Orders* [Swift 1996] происходит в течение одного дня: четверо мужчин, выполняя последнюю волю (именно так реализуется значение титульного словосочетания в самом начале книги) покойного Джека Доддса, отправляются из пригорода Лондона к морю, чтобы развеять прах умершего над волнами. По дороге каждый из них вспоминает прошлое. Постепенно меняется их отношение к странным указаниям (*his odd/strange/unexpected orders* [Swift 1996, p. 12, 16, 24...]), что видно при сравнении состава семантического поля титульных слов в первой и второй половине текста. Сначала *last orders=command* [Ibid, p. 73], что естественно влечет за собой *to do/pay our duty by/to Jack* [Ibid, p. 102, 127, 132...], т.е. участники церемонии считают распоряжения покойного нелепыми, но, скрепя сердце, отправляются выполнять свой долг. Однако, дорожные размышления каждого приводят их к осознанию необходимости выполнять свой долг и относительно живых – своих жен и дочерей, с которыми у каждого непростые отношения. Ср., напр.: *Maybe the first thing to do after we’ve done our duty by Jack here is go and pay Sally a visit. It’s me, girl. It’s your old dad, remember?* [Ibid, p. 209]. *Last orders* – последняя воля одного заставляет других переосмыслить свою жизнь, которая еще продолжается и в которой выполнение морального долга всегда связано с необходимостью принятия собственного решения, т.е. с необходимостью выбора. Так в формировании художественного концепта текста, наряду с повтором *command, duty*, входит повтор *choice, choose, will. We should choose...Not to miss the chosen moments... We’re given a choice* [Ibid, p. 229, 285, 288]: нельзя оправдывать все свои неудачи давлением обстоятельств (*special circs, special request, special mission* – p. 288 – 289), ибо человеку дана воля и возможность выбора.

При том, что приведенные в качестве примеров два текста никак не связаны ни тематически, ни стилистически, представляется, что – при всей своей несхожести – они разрабатывают извечную проблему: насколько жизнь человека – его свободный выбор и насколько – подчинение обстоятельствам, что отражено в постконтекстном значении и семантических полях титульных словосочетаний.

Наконец, *The Butcher Boy* [McCabe, 1992]. Как было видно из предыдущего обсуждения, первое употребление заглавных слов в тексте не всегда жестко отсекает полисемию, т.е. не всегда выполняет разрешающую функцию, но обязательно вводит дополнительные смыслы, т.е. осуществляет функцию интенсифицирующую, что мы и наблюдаем на первых страницах *The Butcher Boy*:

Look what I bought, says Ma, the best record in the world, The Butcher Boy. Come on, she says, let’s dance whee off we went around the room. Ma knew the words inside out [McCabe 1992, p. 19]. Нарратор

приводит песню полностью. Это грустная баллада о девушке, обманутой возлюбленным и повесившейся, а он и есть *butcher boy*. Не останавливаясь на неадекватном поведении персонажей (которое вносит дополнительные смыслы в широкий контекст), отметим, что и баллада, и комментарий ее любительницы – *He wasn't so smart then, the butcher boy, was he?* [Ibid] сохраняет свойственную заголовку многозначность и/или неопределенность.

В данном случае, даже после первого контекстуального употребления, титульное словосочетание может рассматриваться и как профессиональная, и как характерологическая особенности названного в заголовке лица.

Следующее употребление *Butcher Boy* происходит в начале второй половины книги, когда героя – Френсиса Брейди – отправляют работать в лавку местного мясника: *So there you are! Francis Brady The Butcher Boy! Oho, but this time it was different, this old Butcher Boy was happy as Larry and you wouldn't find him letting people down, no sir! <...>Here he comes, The Butcher Boy, whistling away in his stripy blue apron, always in good humour* [Ibid, p. 126].

Микроконтекст вроде бы оставляет единственный – профессиональный – вариант значения. Однако, на этом этапе развертывания макроконтраста, благодаря настойчивому рассредоточенному повтору лексем *kill pigs, slaughterhouse, cut the throat, slit the belly* значение *бойни* и, соответственно, *Butcher Boy* – участник/организатор бойни тоже не уходит, но со-присутствует, постепенно вытесняя первое, способствуя нарастанию напряженности текста (*suspense*). Она разрешается абсолютным слиянием обоих значений: помощник мясника убивает свою жертву и разделяет ее, как свинью [Ibid, p. 195-197]. Наконец, завершающий контекст титульных слов – это повтор баллады, начавшей произведение [Ibid, p. 208-209]. Совершив полный круг, заголовок *Butcher Boy* реализовал, помимо словарных значений, новые, приобретенные во множественных контекстах. На выходе из текста в семантический объем *Butcher Boy* включены: *a young male working for the butcher; one participating in pig-slaughter; an especially cruel criminal; one obsessed with blood-thirsty hatred*. В ЛСП, формирующемся вокруг заголовочных лексем, появляются два контекстуальных сегмента. Первый – *Pigs: belly, snout, snort, trotter (свиная ножка), brock (нищевые отходы для корма свиней)*. Все его составляющие используются как применительно к забиваемым на бойне животным, так и метафорически, применительно к ненавистным нарратору людям. По сути дела, нарастание неадекватности Френси Брейди и все события повествования начинаются на с. 4, когда соседка обзывает свиньями всю семью Брейди: *the father's no better than a pig <...> Pigs! Sure – the whole town knows that!* [Ibid, p. 4]. Реакция героя-нарратора, логичная с его точки зрения (введение тарифа на переход улицы свиньями, необходимость таблички на доме, где живут свиньи, попытки объяснить свои действия дружественным расположением и мн. др.), все больше свидетельствует о нарушении его психики. *I laughed my head off, I laughed till my sides split, I went on laughing u nod.; I had 20-30-40-50 fags a day, I took a new fag, I had another fag u nod.; I cheerfully rode the bike, ting-a-ling went on the bike, I whistled in tune with the wind on my bike u nod.*, многократно повторенные в контекстах, не требующих ни смеха, ни похвальбы своей ездой на велосипеде, ни доказательства своей взрослости запойным курением, помещают лексемы *laugh, fag, bike* в контекстуальное поле концепта *Madness*, который, в свою очередь, входит в художественный концепт произведения *Butcher Boy*.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что множественные контексты повторяющихся титульных слов художественного текста обеспечивают формирование их внутритекстовых значений, лишь частично соотносительных со словарными, что, в свою очередь, способствует развертыванию собственных, текстуально ограниченных ЛСП, вербализующих выводной концепт художественного произведения.

Литература

- Болотнова Н. С. Методика анализа концептуальной структуры художественного текста/Н. С. Болотнова//Слово – сознание – культура: Сб. научных трудов/Сост. Г. Золотых. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 309 – 318. Болотнова Н. С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте/Н. С. Болотнова//Русистика: Лингвистическая парадигма XX века: Сб. статей в честь проф. С. Г. Ильенко. – СПб, 1998. – С. 242 – 247. Кухаренко В. А. – Заголовок//В. А. Кухаренко. Интерпретация текста. – Изд. 3-е, испр. – Одесса: Латстар, 2002. – С. 105 – 118. Литературознавчий словник-довідник/Р. Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та ін. – К.: ВЦ „Академія”, 1997, – 752с. Селіванова О. А. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія/ О. А. Селіванова – Полтава: Довкілля – К, 2006. – 716с. Торсуева И. Г. Контекст/И. Г. Торсуева//Языкознание. БЭС. – 2-изд/Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 2000. – С. 238 – 239. Хованская З. И. Лексическая актуализация/З. И. Хованская//Научн. Доклады ВШ. Филологические науки. – 1983. – №1. – С. 46 – 54. Halliday M. A. K. Linguistic function and literary style: An inquiry into the language of William Golding's *The Inheritors*/M. A. K. Halliday//Essays in Modern Stylistics/Ed. by D. C. Freeman. – L. – NY: Methuen, 1981 – P. 325 – 360. Harris Z. Discourse analysis/Z. Harris//Language. – 1952. – v. 28. – P. 1 – 30. McCabe P. The Butcher Boy/Patric McCabe. – L.: Picador, 1992. – 215p. Oxford Russian Dictionary/Paula Falla(ed), Della Thompson(updat.) – 4-th ed. – Oxford: Oxf. Up., 2007. – 1322p. Rubens B. The Elected Member/Bernice Rubens. – L.: Abacus, 1999. – 224p. Swift Gr. Last Orders/Graham Swift. – L.: Picador, 1996. – 295p. Yule G. Pragmatics/G. Yule. – Oxford: Oxf. UP, 1996. – 138p.